

Ася Юрская

АУТСОРС
В
Средневековье

18+

Ася Юрская

Аутсорс в Средневековье

«Автор»

2026

Юрская А.

Аутсорс в Средневековье / А. Юрская — «Автор», 2026

Анна мечтала уволиться и пить смузи в тишине, но очнулась в XV веке в теле неуклюжей служанки Греты. Её новое «рабочее место» — мастерская Иоганна Гутенберга. Изобретатель на грани безумия, инвестор давит, Инквизиция ищет повод для костра, а станок вот-вот развалится. Чтобы выжить, Анна внедряет диаграммы Ганта, KPI и тимбилдинги. Ведь если не оптимизировать средневековый хаос, на плаху отправится и бизнес, и её голова. И всё бы ничего, но на пути встает Джулиан — мрачный, хмурый и чертовски красивый мастер-переплетчик, ненавидящий шум, суету и её корпоративные замашки. Сможет ли солнечный кризис-менеджер растопить сердце главного интроверта Европы и напечатать самую главную книгу в своей жизни?

© Юрская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ася Юрская

Аутсорс в Средневековье

Глава 1

Первое, что я почувствовала, приходя в себя, был запах.

Если бы меня спросили, чем пахнет моё идеальное утро, я бы сказала: свежесваренным кофе, лёгким бризом из открытого окна и едва уловимыми нотками дорогого парфюма. Но то, что ударило в нос сейчас, ничем его не напоминало. Густой, вязкий, тошнотворный коктейль из прогорклого машинного масла, жжёной резины, сырого металла и, кажется... немытого человеческого тела?

Я попыталась поморщиться, но лицо не послушалось. Голова отозвалась такой пронзительной болью, будто в череп забили железнодорожный костыль. Я тихо застонала и попробовала перевернуться на другой бок, но тело оказалось на удивление тяжёлым, неповоротливым и до неприличия коротким.

— Так, стоп, — прохрипела я. Голос из горла звучал совсем не так, как мой привычный контральто с лёгкой хрипотцой после вчерашнего корпоратива. Это был писклявый, тонкий и до ужаса юный сопрано.

Я с трудом разлепила глаза. Надо мной был не белый натяжной потолок моей студии в Москва-Сити, а низкое закопчённое деревянное перекрытие, с которого свисала паутина толщиной с мизинец. Стены из грубого камня, местами оштукатуренные, но при этом штукатурка отваливалась крупными унылыми кусками.

— Где я? — прошептала я, пытаюсь сесть.

Мои руки скользнули по одеялу. Шерстяное, колючее, как тёрка для сыра, и пахнет овцой, которая, судя по всему, умерла в муках. Я посмотрела на свои руки. Это были не мои руки! У меня — ухоженные, с коротким маникюром и лёгкой мозолью на среднем пальце от вечного таскания кофейных стаканчиков. Эти же были тонкими, бледными, с обломанными ногтями и мозолями на ладонях — такие бывают у тех, кто не знает, что такое крем для рук, зато отлично знает, что такое тяжёлый физический труд.

Паника, холодная и липкая, подступила к горлу. Я резко сбросила с себя вонючее одеяло и, игнорируя боль в голове, сползла на холодный каменный пол. В углу комнаты, рядом с кривым деревянным стулом, стоял таз с водой, а над ним висело что-то отдалённо напоминающее зеркало. Точнее, просто кусок отполированного до блеска железа.

Я подползла к нему, держась за стену, и заглянула внутрь.

Из железа на меня смотрела не я.

Вместо моих двадцати четырёх лет, вместо моей любимой асимметричной стрижки и лёгкой веснушки на левой щеке, которую я так удачно скрывала тональником, на меня смотрела девочка лет семнадцати. Ну, или очень молодая женщина. Рыжие неухоженные волосы торчали во все стороны, как одуванчик после урагана. Лицо усыпано россыпью бледных веснушек, нос слегка припух, а на подбородке красовался свежий синяк.

— Что за... — выдохнула я, и девочка в железе беззвучно повторила это, открыв рот.

В эту секунду в голову хлынули чужие воспоминания. Короткие, обрывочные, как кадры из плохого немого кино.

Меня зовут Грета. Мне восемнадцать. Я служанка. Я ужасно неуклюжая. Вчера я уронила таз с грязной водой на ногу помощнику кузнеца, за что и получила этот синяк. Мой хозяин — герр Йоханесс. Он изобретатель. Он сумасшедший. Он постоянно орет.

Я моргнула, пытаюсь переварить этот поток информации. Попаданка? Серьезно? Я что, в дешевом романтическом фэнтези? Где моя академия магии? Где мой прекрасный принц на белом коне? И почему, черт возьми, я в теле неуклюжей служанки, а не хотя бы в теле прекрасной феи? Или, на худой конец, в теле какой-нибудь принцессы-негакуси?

Но самые ужасные воспоминания были впереди. Грета боялась своего хозяина до дрожи в коленках. Герр Йоханесс был должен денег всем подряд, спал по два часа в сутки и питался только черным хлебом и дешевым вином. А еще он держал в доме странный механизм, который Грета считала дьявольским изобретением.

Я тяжело вздохнула, опираясь лбом о холодное железо. Ладно. Давай по порядку. Во-первых, я жива. Во-вторых, я в теле юной девы, что означает, что мне не нужно платить ипотеку. В-третьих...

Мой нос снова уловил запах. Олифа. Сажа. Железо.

Я закрыла глаза, и передо мной пронеслась прошлая жизнь. Я, Анна, работала в крупной типографии «ПринтМастер» старшим технологом. И ненавидела эту работу. Ненавидела запах типографской краски, который въедался в кожу, волосы и одежду так, что никакой дорогой парфюм не перебивал. Ненавидела бесконечную суету, крики начальства о дедлайнах, поломки офсетных машин в три часа ночи и необходимость объяснять клиентам, почему их визитки нельзя напечатать на золотой фольге за пять минут. Полгода назад я уволилась, чтобы стать фрилансером-консультантом, пить смузи и наслаждаться тишиной.

И вот ирония: едва я избавилась от запаха краски в одной реальности, как меня забросило в другую, где этот запах был не фоном, а самой сутью существования.

— Отлично, — прошептала я отражению. — Просто великолепно. Добро пожаловать в ад, Анна. Тут даже отдела кадров нет, чтобы написать жалобу на условия труда.

Дверь в каморку с грохотом распахнулась и ударилась о стену. На пороге возник мальчишка лет двенадцати, весь черный от сажи.

— Грета! — пискнул он. — Ты опять дрыхнешь?! Герр Иоганн требует завтрак! И чтобы кофе был горячим, а не твоя бурда! Если ты его снова взбесишь, он велит мне отрубить тебе уши!

Мальчишка развернулся и исчез за дверью. Я тяжело вздохнула и поднялась с пола, отряхивая колени.

— Так, Грета, — сказала я вслух. — Давай посмотрим, какие у нас вводные данные.

Я быстро нашла в сундуке одежду. Грубое льняное платье, передник, который, судя по всему, не стирался со времен коронации Карла Великого, и чепец, который я тут же решила не надевать, чтобы не выглядеть как средневековая монашка-неудачница. Волосы я кое-как заплела в тугую косу, чтобы не лезли в глаза, и умылась ледяной водой из таза.

Взяв с подноса кусок черного хлеба, кусок сыра и кувшин с чем-то, отдаленно напоминающим кофе (но на деле оказавшимся отваром из цикория и желудей), я направилась к двери.

Спускаясь по узкой, скрипучей лестнице, я прислушивалась. Снизу доносился такой грохот, скрежет и отборная ругань, что казалось, будто там куют мечи для армии орков. Или, что было вероятнее, просто работал тот самый «дьявольский механизм» из воспоминаний Греты.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь и вошла в основное помещение. И застыла.

Это был не цех, а склад, который только что взорвался, судя по-всему. Повсюду валялись стопки грубой, неровной бумаги. В углах громоздились бочки с подозрительными жидкостями, мешки с порошками и связки инструментов, о назначении которых я могла только догадываться.

Но в центре комнаты, занимая половину помещения, стояло ОНО.

Я подошла ближе, стараясь не обращать внимания на окрики рабочих, и внимательно осмотрела конструкцию. Грета считала это винным прессом. Но я-то знала, что вижу на самом деле.

Это был печатный станок.

Мой внутренний технолог мгновенно включился на полную. Я с ходу считала конструкцию: массивная деревянная рама, горизонтальный пресс, плита для бумаги. Но главное — система подвижных литер или, иначе говоря, наборный шрифт.

Я подошла к столу, заваленному мелкими свинцовыми буквами. Отлиты аккуратно, хоть и грубовато по современным меркам. Шрифт — классическая готическая текстура. Та самая «черная готика».

Я взяла одну букву в руку. Холодный, тяжелый свинец. Идеальная высота шрифта. Гутенберг, черт возьми, действительно сделал это.

— Эй! Ты! Нечестивая девка! — раздался громоподобный голос. — Ты чего тут крутишься? Ты мне весь набор рассыплешь!

Я обернулась. Ко мне стремительно приближался мужчина лет сорока пяти. Высокий, тощий, с впалыми щеками и лихорадочным блеском в глазах. Волосы торчали в разные стороны, а камзол был расписан пятнами от чернил, масла и, возможно, засохшей крови.

Но мое внимание приковал его левый глаз. Он не просто подергивался. Он выделял такие сложные пируэты, что я невольно гадала: не шифрует ли он что-то азбукой Морзе?

— Герр Иоганн! — пискнула я, инстинктивно вжимая голову в плечи и прижимая поднос к груди. Тело Греты само знало, как реагировать на этого человека.

— Грета! — прорычал он. Иоганн Гутенберг. Собственной персоной. Тот самый изобретатель, который сейчас выглядел так, словно его только что выгнали из психиатрической лечебницы. — Где мой завтрак?! И чего ты уставилась на литеры? Решила их сожрать?!

— Н-нет, герр Иоганн, — заикаясь, ответила я, стараясь держаться как можно незаметнее. — Я принесла вам завтрак. Хлеб и... напиток.

Гутенберг вырвал у меня поднос. Я пошатнулась, но устояла.

Он оторвал кусок хлеба, глотнул из кружки и тут же сплюнул.

— Это не кофе! — рявкнул он. — Это помой! Петер! — он метнулся к мальчишке. — Я велел сварить нормальный напиток! Ты что, хочешь, чтобы я отравился и мастерская осталась без мастера?!

Петер вжал голову в плечи и попятился к дверям.

Гутенберг провел рукой по лицу, оставляя на щеке черный след от сажи. Его левый глаз задергался в бешеном ритме.

— Уйди, — сказал он тихо. Так тихо, что мне стало жутко. — И не смей подходить к столу. Если ты еще раз что-нибудь уронишь, я отдам тебя палачу. Пусть он научит тебя аккуратности.

Я кивнула и попятилась к двери. И тут сработали рефлексy Греты. Я споткнулась о выступающий камень. Руки взметнулись, но удержать равновесие не вышло. Я рухнула всем весом прямо на стол с готовым набором.

Раздался мерзкий скрежет и звон. Свинец посыпался на каменный пол, буквы перемешались в бесполезную кучу.

В мастерской повисла тишина. Рабочие застыли. Петер, который успел юркнуть под стол, медленно высунул нос и побледнел.

Я медленно подняла голову. Гутенберг смотрел на меня. Теперь в бешеном ритме дергались уже оба глаза.

— Ты... — прошептал он. Голос дрожал. — Ты... рассыпала... набор...

— Я... я могу помочь собрать... — начала я. В ответ Гутенберг издал какой-то нечленораздельный, утробный вой.

— Собрать?! — завопил он, хватаясь за голову. — Это три тысячи букв! Два дня работы! Завтра придет епископ, ему нужны индульгенции, а у меня нет набора! Мы разорены! Мы пропали!

Он сполз по стене, сел на пол и закрыл лицо руками.

Я смотрела на этого великого человека, который сидел на полу и ныл из-за рассыпанных букв. Как кризис-менеджер, я просто не могла смотреть на это бездействие.

— Герр Иоганн, — сказала я, удивляясь своему спокойствию. — Это всего лишь набор. Мы можем набрать его заново.

Гутенберг поднял на меня взгляд, полный отчаяния.

— Мы?! — он издал короткий, истеричный смешок. — Ты? Служанка? Ты хоть знаешь, сколько времени уходит на то, чтобы найти нужную букву в кассе? Мои мастера устали! У них болят глаза! Мы не успеем!

Я посмотрела на рассыпанный свинец. Потом на кассы. Потом на станок.

В голове всплыло воспоминание из прошлой жизни: срочные заказы, когда зависала программа, и мы набирали макеты для тиснения вручную, на ощупь. Я знала эту гарнитуру. Помнила каждую засечку, каждый вес буквы.

— Дайте мне час, — сказала я.

Гутенберг замер. Его глаз перестал дергаться.

— Что?

— Дайте мне час, — повторила я. Азарт, которого не было со времен увольнения, приятно кольнул под ребрами. — Я наберу текст заново. Быстрее, чем Ваши мастера.

Рабочие переглянулись. Петер хихикнул. Гутенберг смотрел на меня, как на умалишенную.

— Ты сошла с ума, девка, — прошептал он.

— Может быть, — я ухмыльнулась. — Но у вас нет выбора. Дайте мне час. Не получится — отдавайте палачу.

Гутенберг долго смотрел на меня. Потом медленно встал, отряхнул камзол и ткнул пальцем в стол.

— Час, — прорычал он. — Ровно час. Если к тому времени на станке не будет формы, я лично скормлю тебя крысам.

Я кивнула и подошла к столу. Руки дрожали, но в голове уже выстраивался четкий план.

Понятия не имела, как надолго тут застряну и как буду жить без души и нормального кофе. Но одно знала точно: если мне суждено работать в типографии, я покажу этим мужикам, что такое настоящий тайм-менеджмент.

Я взяла в руки первую литеру. Холодный, тяжелый свинец.

Ну что ж, Анна. Добро пожаловать в Средневековье. Твой первый дедлайн пошел.

Глава 2

Я уселась за узкий, весь в чернильных пятнах верстак. Воздух в мастерской стоял тяжелый: льняное масло, сажа, расплавленный свинец и кислый пот мужиков, которые теперь стояли за спиной и смотрели в затылок.

Передо мной лежала касса. Деревянный ящик с ячейками, где в зеркальном отражении теснились свинцовые литеры. Рядом — наборная верстка, узкий металлический лоток, и линейка для фиксации строк.

Я посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные пальцы Греты дрожали. Девчонка никогда не держала ничего тяжелее чугунной сковороды. Но мои руки — руки Анны, технолога с пятилетним стажем — помнили всё. Мозг мог забыть имя генерального директора, но пальцы никогда не забудут, как на ощупь отличить строчную «п» от «т».

— Ну что, девка, — раздался за спиной низкий бас. — Глаза таращишь? Может, сначала помолишься святому Флориану, покровителю всех дураков?

Я обернулась. Местный «тимлид». Звали его Ганс. Дегина под два метра, с руками-лопатами и лицом, будто его били мешком с картошкой. На нем висел кожаный фартук, намертво склеенный засохшей краской. Рядом переминался тощий парень лет двадцати — Клаус. Судя по памяти Греты, он был подмастерьем, главным сплетником и воришкой яблок из соседского сада.

— Я не молюсь, Ганс, — спокойно ответила я, разворачиваясь обратно к кассе. — Я анализирую вводные данные и выстраиваю алгоритм. Если вы не против, я бы начала. У нас, напоминаю, горит дедлайн.

Ганс моргнул. Его нижняя челюсть медленно поползла вниз.

— Дед... чего? — Ганс тупо уставился на Клауса. — Она что, колдует? В нее бес вселился?

— Это значит «срок», — вздохнула я, беря в руки верстаток. — Хотя, судя по вашим лицам, «тайм-менеджмент» для вас тоже пустой звук. Ладно, онбординг отменяется. Просто смотрите.

Я взяла первую литеру. Холодный, тяжелый свинец. Пальцы нащупали зеркальную букву, мозг мгновенно развернул ее в голове. Щелк. Встала в верстатку. Щелк. Вторая. Щелк. Третья.

Сначала пальцы Греты не слушались: норовили уронить мелочь, соскальзывали с гладкого металла. Но я заставила их работать. Вспомнила бессонные ночи в «ПринтМастере», когда падала серверная верстка, и мы собирали макеты для VIP-клиентов вручную, на коленке, в подвале. Тогда я набирала текст на автомате, не глядя на кассу.

P-q-u-e-r-e... Ритм затягивал. Монотонно, грязно, с запахом свинца — и до странного приятно. Щелк-щелк-щелк.

— Она... она набирает вслепую, — прошептал Клаус. — Ганс, она даже не смотрит в кассу! Она в стену глядит!

— Тихо вы там, — огрызнулась я, не сбавляя темпа. — Вы мне когнитивный ресурс шумом загрязняете.

Я летела по тексту. Готическая текстура. Рубленая, с четкими засечками. Каждая буква имела свой вес, свой характер. Я чувствовала разницу между жирной «М» и хрупкой «i». Это было то самое чувство, когда ты просто делаешь свою работу, и делаешь ее чертовски хорошо.

Через двадцать минут первая строка была готова. Я зажала ее в верстке, чтобы не рассыпалась, и отложила в сторону.

— Ганс, — сказала я, не оборачиваясь. — Подвинься, дай мне шмуцроль.

— К чему?! — фыркнул он.

— К краске. Мне нужно проверить, как ляжет оттиск. Чтобы не набирать весь текст, если у вас тут кернинг хромает и буквы пляшут.

Ганс фыркнул, но отошел. Я быстро взяла шмухлевку — кожаный тампон на деревянной ручке — и густо, равномерно нанесла черную краску на форму. Приложила влажный лист бумаги... и тут поняла, что упустила одну деталь.

Я знала теорию. Я видела конструкцию. Но я не знала калибровки этого конкретного деревянного монстра.

— Петер! — крикнула я. — Иди сюда! Мне нужно, чтобы ты опустил плиту. Только аккуратно, без фанатизма, давление должно быть равномерным!

Мальчишка подскочил, испуганно косясь на Ганса. Тот кивнул. Петер ухватился за рычаг и навалился всем весом. Пресс жалобно заскрипел и опустился. Я аккуратно сняла лист.

Оттиск был ужасен. Буквы поплыли, краска размазалась, а между строк зияли грязные пробелы.

— Ну вот, — ухмыльнулся Клаус. — Служанка набрала кривой текст. Теперь мы точно попадем в ад.

Я нахмурилась, разглядывая лист. Набор был ровный, но на оттиске буквы плясали. Виноваты реглетки — деревянные планки для межстрочных интервалов. Кто-то подsunул старые, покоробленные от сырости.

— Так, стоп, — сказала я, выпрямляясь и хрустнув спиной. — Парни, собираемся.

Рабочие нехотя подошли. Ганс скрестил руки на груди, Клаус ухмылялся, Петер прятался за спину гиганта.

— Что еще, девка? — буркнул Ганс. — Хозяин скоро вернется, а у тебя только одна строка.

— Во-первых, у меня готово три строки, просто вы их не видите из-за своих густых бровей, — парировала я. — А, во-вторых, у нас летучка. Пятиминутка планирования.

Тишина. Рабочие смотрели на меня так, словно я только что предложила им станцевать менуэт на столе.

— Пяти... минутка? — переспросил Клаус. — Это сколько молитв читать?

— Нет, Клаус, это не молитвы. Это стендап. Короткая встреча, чтобы синхронизировать команду, — я начала расхаживать перед ними, размахивая руками, как на настоящем корпоративном митинге. — Итак, смотрим на нашу воронку. Узкое горлышко на этапе подготовки бумаги: она слишком сухая и не впитывает краску. Ганс, ты отвечаешь за увлажнение?

— Я отвечаю за то, чтобы ты не совала нос не в свое дело! — рявкнул Ганс, багровея.

— Отлично, вижу, что коммуникация хромает и обратная связь не работает, — невозмутимо продолжила я, игнорируя его крик. — Дальше. Этап набора. Вы тратите по двадцать минут на поиск буквы, потому что касса не эргономична. «Е», «н», «о» лежат в дальнем углу! Это же саботаж собственных КРІ!

— Каких еще... кэ-пэ-и? — Ганс шагнул ко мне, нависая всей своей двухметровой тушей. От него разило кислым пивом и луком. — Слушай сюда, нечесаная крыса. Ты тут не указ. Ты — служанка. Твое место у очага. Не у кассы. Ты болтаешь ересь, которую не поймут даже монахи.

— Ганс, я пытаюсь оптимизировать наши процессы, — терпеливо объяснила я, глядя ему прямо в глаза. — Если внедрим систему 5S, выработка вырастет на тридцать процентов. Вам не придется тратить время на поиск инструмента...

— Пять эс?! — взревел Ганс. — Ты что, демонов вызываешь?! Пять демонов?!

Ганс схватил со стола первое, что подвернулось под руку — тяжелую дубовую буквицу «А». В те времена огромные заглавные буквы резали из дерева, чтобы не тупить свинцовые литеры, но сейчас это был просто увесистый снаряд.

— Да пошла ты к черту со своими демонами! — рявкнул он и швырнул дубовую «А» мне в лоб.

Увернуться я не успела — тело Греты реагировало слишком медленно. Удар пришелся прямо в цель. Мир мгновенно поплыл, в ушах зазвенело, а из носа брызнула кровь. Я покачнулась, вцепившись в край верстака, и с размаху ударилась коленом о тумбу.

— Ганс, ты ее убил! — взвизгнул Клаус. — Хозяин нас всех вздернет!

— Пусть попробует! — огрызнулся Ганс, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Сама напросилась! Нечего тут ересь нести и демонов призывать!

Я медленно выпрямилась. Голова гудела. Лоб, судя по ощущениям, уже начал украшаться шикарным синяком в пару к подбородку Греты. Провела пальцами по коже. Крови нет. Только шишка.

Глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. В прошлой жизни начальник цеха однажды швырнул в меня степлер за идею с экологичными чернилами. Я тогда не растерялась. Не растеряюсь и сейчас.

Наклонилась и подняла с пола деревянную букву «А». Килограммовая дубина. Посмотрела на нее, потом на Ганса.

— Ганс, — сказала я. Тихо. Но так, что в цехе повисла тишина. — Это грубое нарушение техники безопасности. Статья двести сорок пять Трудового Кодекса... то есть, цеховых правил. За физическое насилие над коллегой в рабочее время полагается выговор и лишение премии.

Ганс вытаращил глаза.

— Ты... жива? — прошептал он.

— В отличной форме, спасибо. Но давайте вернемся к таймингу. — Я шагнула к нему. Ганс, к моему удивлению, отступил. Видимо, мой спокойный тон после удара дубиной по башке напугал его сильнее, чем любые крики. — У нас осталось сорок минут. Если не начнете помогать, мы не успеем. А тогда герр Иоганн увидит разгром вместо готового набора. И знаете, кого он скормит крысам в первую очередь? Того, кто бросал в меня мебель.

Ганс сглотнул.

— Чего ты хочешь, ведьма? — буркнул он, опуская глаза.

— Ровные реглетки. Все. И чтобы Петер начал увлажнять бумагу над паром, а не мочить ее в корыте, как раньше. И еще... — я поморщилась, потирая лоб. — Если кто-то еще решит кинуть в меня мебель, я лично оформлю ему такой выговор, что он до конца жизни будет чистить монастырские нужники. Ясно?

— Ясно, — пробормотал Ганс. — Петер! Бегом за реглетками! И тащи котел!

Рабочие засуетились. Впервые за все время они слушались беспрекословно. Видимо, то, что я выжила после удара дубиной по башке и оперировала страшными словами вроде «статья 245», их слегка напугало.

Я снова уселась за верстак. Голова раскалывалась, но адреналин глушил боль. Взяла в руки верстатку. Щелк-щелк-щелк.

Я работала на автомате. Ганс больше не лез с расспросами. Он молча подавал готовые строки, Клаус резал реглетки, а Петер, пыхтя, таскал листы над котлом, делая их мягкими и податливыми.

В мастерской было тихо, как в офисе после сдачи проекта. Только вместо гудения кулеров — стук свинца и скрип пресса.

За десять минут до конца часа я вставила последнюю литеру. Затянула клинья в верстке, проверила, нет ли «фонарей» — случайных пробелов, и кивнула.

— Готово, — сказала я, убирая руки. — Можно запускать.

Ганс подошел, навис над версткой. Его огромные пальцы осторожно скользнули по свинцу. Он хмыкнул.

— Ровно, — буркнул он неохотно. — Буква к букве. Интервалы выдержаны. Даже старые мастера так не могли.

— Это потому что они не знают, что такое слепой метод набора, — зевнула я. Адреналин отхлынул, и тело Греты мгновенно потребовало расплаты. Руки задрожали, в висках застучало. Дверь в мастерскую распахнулась. На пороге стоял Иоганн Гутенберг.

— Время вышло! — рявкнул он. — Где набор?! Где индульгенции?! Если там нет формы, я...

Он осекся.

В цеху повисла тишина. Петер застыл с котлом в руках, пар обжигал ему уши. Ганс молча ткнул пальцем в верстак.

Гутенберг медленно подошел к столу. Достал из кармана крошечную самодельную лупу, наклонился и начал придирчиво разглядывать каждую букву, каждый интервал.

Клаус стоял рядом, не смея даже вытереть каплю пота, повисшую на кончике носа.

Прошло минут пять. Гутенберг медленно выпрямился. Перевел взгляд с набора на Ганса, потом на меня. Его левый глаз наконец перестал дергаться.

— Кто... — голос его дрогнул. — Кто это набрал?

Ганс кашлянул, упрямо глядя в пол.

— Это Грета, герр Иоганн.

Гутенберг медленно повернулся ко мне. Я сидела на табурете, прижимая руку к набухающей шишке на лбу.

— Грета? — переспросил он, словно ослышался. — Служанка Грета? Та самая, что на прошлой неделе вылила чернила в суп?

— Та самая, — кивнула я. — Но, герр Иоганн, это был не саботаж. Это несчастный случай на производстве из-за отсутствия маркировки емкостей. Если мы внедрим цветовую кодировку...

— Молчи! — перебил он. Злости в голосе не было. Только дикое, ошеломленное изумление. — Ты... ты сделала это за сорок минут?

— Сорок две, если быть точной, — поправила я. — И это с учетом онбординга команды и экспресс-тимбилдинга...

— Какой еще тим... неважно. — Гутенберг провел рукой по лицу, оставляя на щеке чернильный след. — Ты набрала текст. Идеально. Без единой ошибки. Как? Ты что, ведьма? Продала душу дьяволу?

— Нет, герр Иоганн. Я просто бывший... то есть, я просто очень старалась. — Я встала, чувствуя, как пол предательски качнулся. — Если вы не против, я пойду приложу лед. А то у нас тут, видимо, принята практика корпоративного буллинга, а я не хочу оформлять производственную травму в первый же день.

Гутенберг моргнул. Посмотрел на деревянную «А» на полу, потом на мой лоб. До него начало доходить.

— Ганс, — тихо сказал он. — Ты бросил в нее литературу?

— Она бесилась, герр Иоганн! — оправдывался гигант. — Говорила на непонятном языке, призывала пять демонов...

— Пять эс, — вздохнула я. — Система организации рабочего пространства. Сортировка, порядок, чистота, стандартизация, совершенствование. Но вам, видимо, проще думать, что это демоны.

Гутенберг закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Грета, — сказал он. В его взгляде не осталось и следа от презрения к неуклюжей служанке. Только любопытство. И легкий страх. — Иди. Приложи лед. А потом приходи в кабинет. Нам нужно поговорить. О твоей... системе. И о твоей зарплате.

— Отлично, герр Иоганн. Только давайте сразу обсудим обеденный перерыв. А то, глядя на ваш рацион, боюсь, у меня скоро начнет выпадать шерсть.

Я развернулась и направилась к выходу. Рабочие почтительно расступились.

Голова болела адски. Тело юной недотепы ныло. Но я только что выиграла свою первую корпоративную баталию в XV веке. И, кажется, мне это начинает нравиться.

Глава 3

Лед. Мне нужен лед. Много льда. Желательно, в виде огромной пушистой подушки, которую можно приложить к голове и выключить мозги до тех пор, пока не отрастут новые.

Кухня дома Гутенберга жила по своим, суровым законам. Огромная каменная печь, закопченный котел с чем-то булькающим внутри и толстая женщина с красными руками, которая рубила капусту так, будто та была лично виновата в всех ее бедах.

— Агнес, — сказала я, заглядывая в кухню и старательно пряча за спину руку, которой держалась за косяк. — Мне нужен лед. И тряпку, чтобы его завернуть.

Повариха остановилась, подняла на меня глаза из-под нависших седых бровей и фыркнула.

— Опять упала, Грета? Или это герр Иоганн тебя побил? Я же говорила, не лезь к его чертовым железкам. Держи. — Она швырнула мне грязную тряпку с куском льда внутри. — Приложи. И не смей капать на пол, я только что помыла!

— Спасибо, Агнес. Вы — настоящий тимлидер кухонного пространства, — бросила я ей, ловко завязывая тряпку узлом.

— Еще чего не хватало! — проворчала она, но в голосе послышались довольные нотки. Видимо, комплименты здесь были такой же редкостью, как мыло.

Я приложила ледяной компресс к пульсирующей шишке и тихонько застонала. Холод приятно обжигал кожу, притупляя боль, но не мысли. Итак, я больше не служанка. Кто я теперь? Стажер? Младший менеджер по оптимизации? В любом случае, это был шаг вверх. В прошлой жизни такой переход от уборщицы к помощнику технолога занял бы лет пять, а здесь, в XV веке, достаточно было просто показать, что ты умеешь набирать текст вслепую и не боишься летящих в голову деревянных букв.

Путь в кабинет Гутенберга лежал через узкий коридор, увешанный свитками и образцами шрифтов. Я остановилась у стены, разглядывая деревянную плашку с вырезанными буквами. Шрифт был грубым, но в нем чувствовалась та самая готическая строгость, которая позже станет визитной карточкой первых печатных книг.

— Войди! — раздался из-за двери нервный голос хозяина.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь. Кабинет Иоганна Гутенберга был памятником человеческому отчаянию. Стол завален пергаментами, счетами и чертежами. На полу валялись пустые чернильницы и скомканные листы. В углу стоял сундук с кучей каких-то бумаг. А в центре всего этого восседал сам изобретатель, массируя виски пальцами, перепачканными сажей.

— Закрой дверь, — буркнул он, не поднимая глаз. — И садись. Если ты пришла просить прощения за рассыпанный набор, то я уже передумал скармливать тебя крысам. Крысы от твоей головы, наверное, подавятся.

— Я не за тем, герр Иоганн, — спокойно сказала я, закрывая дверь и устраиваясь на единственном свободном стуле, предварительно смахнув с него кучу гусиных перьев. — Я пришла обсудить мои новые условия труда. И, возможно, спасти ваш бизнес от неминуемого банкротства.

Гутенберг наконец поднял глаза. Его левый глаз снова дернулся, но уже не так динамично, как прежде.

— Спасти мой бизнес? — он издал сухой, скрипучий смешок. — Девочка, мой бизнес спасет только чудо, или золотая жила, или... — он осекся, посмотрев на меня внимательнее. — Ты говоришь так, будто понимаешь, о чем речь.

— Я понимаю, что у вас кассовый разрыв, — невозмутимо ответила я, скрестив руки на груди. — Вы вложили все деньги в станок и литеры. У вас есть заказы, но нет оборотных средств на бумагу. Ваш главный инвестор, господин Фуст, скорее всего, уже точит на Вас зубы,

потому что Вы не даете быстрой отдачи. А Ваши рабочие демотивированы, потому что Вы не платите бонусы и не кормите их нормально.

Гутенберг смотрел на меня так, словно я заговорила на древнегреческом.

— Откуда... откуда ты это знаешь? — прошептал он. — Ты что, шпионка Фуста?

— Нет, я просто умею считать, — соврала я. На самом деле, это было очевидно любому, кто хоть раз видел стартап на стадии pre-seed. Гутенберг был классическим изобретателем-гением, который абсолютно не умел управлять финансами. — Слушайте, герр Иоганн. Я могу удвоить скорость печати. Оптимизировать расход краски и бумаги, сведя брак к минимуму. Но мне нужны определенные условия.

— Какие? — он подался вперед, и в его глазах зажегся тот самый безумный огонек.

— Во-первых, моя зарплата. Я больше не служанка. Я — старший наборщик и консультант по процессам. Я хочу десять процентов от прибыли каждого тиража.

Гутенберг аж подпрыгнул на стуле.

— Десять процентов?! Ты с ума сошла! Это же грабеж!

— Это мотивация, — парировала я. — Если я работаю лучше, вы зарабатываете больше. Я беру процент только с чистой прибыли. Во-вторых, нормальная еда. Не цикорий и черствый хлеб, а мясо, овощи и вино. Мои... кхм, мои мозги требуют глюкозы для генерации идей. И в-третьих, обеденный перерыв. Один час. Для всех. Без исключений.

— Перерыв?! — Гутенберг схватился за голову. — Мы не можем останавливать станок! Время — это деньги!

— Если Вы не будете останавливать станок, Ваши рабочие уснут за наборной кассой и рассыпят все литеры, как это случилось сегодня утром, — холодно заметила я. — Уставший сотрудник — это неэффективный сотрудник. Час отдыха повысит их концентрацию, и они будут работать на двадцать процентов быстрее. Вы даже выиграете во времени.

Гутенберг молчал. Он переводил взгляд с меня на свои долговые расписки и обратно. Я видела, как он колеблется. Средневековые представления о каторжном труде боролись в нем с очевидной выгодой.

— Пять процентов, — наконец выдал он. — И обед сорок пять минут. И чтобы к обеду не было ни капли вина, только вода и эль.

— Восемь процентов и час обеда с вином, — торгуясь, подняла я бровь. — Иначе я пойду к господину Фусту и предложу свои услуги ему. Уверена, он оценит мои знания о... э-э... пяти демонах.

Гутенберг тяжело вздохнул, его плечи опустились.

— По рукам, — буркнул он. — Восемь процентов. Час. Но если ты не удвоишь выработку к концу недели, я лично сброшу тебя в Рейн.

— Договорились, — я улыбнулась и встала. — А теперь, если вы не против, дайте мне первое задание. Мне нужно проверить, как наши оттиски ведут себя в реальности, а не только на бумаге.

Гутенберг кивнул и придвинул ко мне стопку только что отпечатанных, еще влажных листов. Бумага была плотной, шершавой, с легким желтоватым оттенком.

— Отнеси это Джулиану, — сказал он, аккуратно складывая листы в кожаную папку. — Он переплетчик. Работает в мастерской за двором. Скажи ему, чтобы он оценил, как краска ложится на сгибах и не осыпается ли она при тиснении. Джулиан... он сложный. Но он единственный, кто понимает толк в качественной книге. И, Грета...

Он посмотрел на меня серьезно.

— Не шуми у него. Он ненавидит шум.

Мастерская Джулиана ютилась в небольшом каменном флигеле в глубине двора. В отличие от грохочущего, пахнущего свинцом и потом цеха Гутенберга, здесь царила почти монастырская тишина.

Я толкнула дверь, и запах ударил в нос. Никакой олифы и пота. Пахло натуральной кожей, теплым столярным клеем, пчелиным воском и терпким травяным отваром. Воздух был чистым, а солнечный луч из высокого окна подсвечивал танцующие в нем пылинки.

Посреди комнаты стоял массивный дубовый стол, заваленный инструментами: костяные ножи, шила, молотки с круглыми бойками, катушки с льняными нитками и стопки выделанной кожи. А за столом сидел он. Я замерла в дверях.

Если Гутенберг выглядел как дерганый стартапер на грани выгорания, то этот парень напоминал главного разработчика, который пишет гениальный код в полном одиночестве и ненавидит всех менеджеров мира. Лет двадцать пять. Темные, слегка выющиеся волосы собраны в низкий хвост, но пряди выбились и падали на лоб. На нем — грубая льняная рубаша и плотный кожаный фартук, потертый на сгибах и покрытый светлой пылью. Его руки... Сильные, с длинными пальцами, покрытые мелкими царапинами и пятнами от красителей. Сейчас они аккуратно, почти нежно сшивали толстый пергаментный блок.

Лицо — идеальные скулы, твердая челюсть. Но все портила (или, наоборот, украшала) такая глубокая, концентрированная хмурость, что между темными бровями залегла настоящая складка. Он хмурился не только лицом, но, казалось, всем своим существом.

Из цеха Гутенберга донесся глухой грохот прессы. БА-БАХ!

Джулиан дернулся. Плечи напряглись, пальцы сжались вокруг шила так, что побелели костяшки. Он медленно закрыл глаза, словно молясь о терпении, и прошептал что-то на латыни. Судя по интонации, это было далеко не «Отче наш».

— Извините, — тихо сказала я, делая шаг внутрь. — Я от герра Гутенберга. Принесла оттиски на проверку.

Он открыл глаза. Темно-карие, почти черные. В них плескалось такое концентрированное раздражение, что мне захотелось одновременно извиниться и рассмеяться. Он отложил шило, вытер руки о тряпку и медленно поднял на меня взгляд. Скользнул по лицу, задержался на шишке на лбу, потом опустил на кожаную папку.

— Гутенберг снова отправляет свою служанку, чтобы та отвлекала меня от работы? — Голос низкий, бархатистый, но холодный.

— Я больше не служанка, — возразила я, стараясь держать голос ровным, хотя сердце предательски колотилось где-то в районе ключиц. — Я старший наборщик. Меня зовут Грета. А вы, видимо, Джулиан.

Он фыркнул, протягивая руку за папкой.

— Джулиан. Да. И я не «видимо», я факт. А ты, Грета-наборщица, загораживаешь свет. Отойди влево.

Я молча сдвинулась. Он выхватил папку, открыл и достал первый лист. Пальцы, такие нежные с пергаментом, сейчас двигались резко и нетерпеливо. Он поднес лист к свету, прищурился, провел большим пальцем по строчке.

— Бумага пересушена, — констатировал он, не поднимая глаз. — Из-за этого краска ложится неровно. На сгибах будут трещины. И... — он поморщился, — пахнет слишком сильно. Льняное масло прогоркло. Гутенберг экономит.

— Масло свежее, просто оно смешано с сажей от смолистых дров, — парировала я, подходя ближе и заглядывая ему через плечо. Шитье книги выглядело как магия. — А бумагу мы увлажним над паром перед тиснением. Это сделает ее эластичнее.

Джулиан замер. Медленно повернул голову, и его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от моего. Я почувствовала запах кожи, клея и чего-то еще — чистого, слегка терпкого. Вблизи его глаза оказались еще глубже.

— Ты понимаешь в бумаге? — тихо спросил он. В голосе впервые прозвучало не раздражение, а легкое удивление.

— Я понимаю в материалах, — ответила я, стараясь не смотреть на его губы. Не смотреть на его губы. Это было сложно. — Бумага — это целлюлозные волокна. Если их увлажнить, они набухают и становятся податливыми. Когда высыхают — фиксируют форму. Базовая физика.

Он смотрел на меня долгую, напряженную секунду. Потом медленно отступил на шаг, возвращая мне личное пространство, и снова посмотрел на лист.

— Базовая физика, — повторил он, словно пробуя слова на вкус. — Ты говоришь странные вещи, Грета. И ты слишком громко дышишь.

— Я не дышу громко, это у вас тут акустика такая, — огрызнулась я, чувствуя, как к щекам подступает жар. Черт возьми, Анна, возьми себя в руки! Ты опытный технолог, а не влюбленная школьница! — Кстати, ваш пресс тоже дышит громко. Он издает звук в восемьдесят децибел. Это вредно для слуха.

Джулиан снова нахмурился.

— Децибел? Что за демон? — он отложил лист и посмотрел на меня с явным подозрением. — Ты точно не ведьма? Гутенберг сказал, что ты набрала три тысячи букв за сорок минут. Это неестественно.

— Это не магия, это оптимизация процессов и мышечная память, — вздохнула я, опираясь бедром о край его стола. — Я просто вижу паттерны. А ваш герр Гутенберг... он гений, но ужасный менеджер. Он создает хаос, а вы потом пытаетесь этот хаос переплести в красивую книгу.

Джулиан посмотрел на меня. По-настоящему. Без насмешки, без раздражения. Он изучал мое лицо, словно я была редким, сложным манускриптом, который он пытался прочитать.

— Ты странная, — тихо сказал он.

— Мне уже говорили, — улыбнулась я.

Из цеха снова донесся грохот пресса. БА-БАХ!

Джулиан дернулся, его брови сошлись в одну сплошную линию. Он провел рукой по лицу, оставляя на щеке след от угольной пыли.

— Я не могу работать в этом аду, — пробормотал он, больше для себя, чем для меня. — Каждый удар пресса отдается у меня в зубах. Я теряю концентрацию. Нитка ложится криво.

Я посмотрела на его лицо, на сильные руки, которые сейчас беспомощно сжимали край стола. И мое сердце сделало это.

Тыдыщ.

Громко, отчетливо и совершенно неуместно.

Я стояла в мастерской переплетчика в XV веке, с шишкой на лбу, в грязном переднике, и понимала, что я попала. Попала по-крупному. Потому что этот хмурый, ворчливый, пахнущий кожей и клеем перфекционист был именно тем типажом, от которого я всегда теряла голову в прошлой жизни. Троп «он хмурый, она солнышко» работал даже в Средневековье. И, кажется, я только что назначила себя на роль этого самого солнышка.

— Слушай, Джулиан, — сказала я, и голос прозвучал на удивление мягко. — Я не могу остановить пресс. Но я могу кое-что сделать.

Он поднял на меня взгляд, все еще хмурый, но с тенью надежды.

— Что?

— Я переведу работу Ганса и Клауса на ночные смены. А днем мы будем делать только набор и подготовку бумаги. Самые громкие работы — прокатку и тиснение — перенесем на утро, пока ты еще не начал свою тонкую работу. А днем, когда ты шьешь и переплетаешь, станок будет молчать. Будем использовать его только для сушки.

Джулиан смотрел на меня. Его морщина между бровями медленно, буквально на миллиметр, разгладилась.

— Ты... ты можешь это сделать? Заставить их замолчать?

— Я теперь старший наборщик, — гордо подняла я подбородок. — Могу заставить их делать что угодно. Даже петь хором, если это поможет производству.

В уголке его губ мелькнула тень улыбки.

— Ты сумасшедшая, Грета, — сказал он, но в голосе больше не было холода. — Но... если ты сможешь утихомирить этот ад, я, возможно, не буду бросать в тебя костяным ножом.

— Это все, на что я могу рассчитывать? — я рассмеялась, и смех эхом отразился от каменных стен. — Ладно. Я пошла внедрять изменения. Оттиски оставь себе, завтра заберу готовые книги.

Я развернулась и направилась к двери.

— Грета, — его голос остановил меня на пороге.

Я обернулась. Он стоял у стола, держа в руках папку. Свет из окна падал на его лицо, и он выглядел... чертовски хорошо.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Мое сердце сделало «тыдыщ» во второй раз.

— Пожалуйста, Джулиан, — улыбнулась я и выскользнула из мастерской.

Я стояла во дворе, прижимая руки к груди, и пыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Солнце светило сквозь облака, где-то вдалеке кричали торговцы, пахло сыростью и дымом.

— Ну ты и дала, Анна, — прошептала я своему отражению в луже. — Ты пришла сюда спасать бизнес и внедрять тайм-менеджмент, а сама запала на местного интроверта.

Я усмехнулась и пошла обратно в мастерскую. Дедлайн не ждет. У меня впереди смена графика рабочих, внедрение системы увлажнения бумаги и, возможно, первая в истории Средневековья профсоюзная забастовка, если Ганс снова попытается кинуть в меня мебель. Но теперь, когда я знала, что в конце этого хаоса меня ждет тихая мастерская, запах кожи и пара темно-карих глаз, мне казалось, что я смогу свернуть горы. Или, как минимум, напечатать самую красивую книгу в мире.

Глава 4

Утро в мастерской Гутенберга началось не с петухов, а с моего безжалостного звона в медный таз, который я отобрала у Агнес на кухне.

ДЗЫНЬ-ДЗЫН-ДЗЫНЬ!

Ганс, спавший прямо на мешке с бумагой, подпрыгнул так, что его массивное тело сотрясло пол. Клаус уронил кассу с литерами, а Петер, кажется, вообще не ложился, а просто дремал стоя, держась за рычаг пресса.

— Доброе утро, коллеги! — бодро объявила я, входя в центр цеха с дощечкой, на которой углем был начерчен новый график сменности. — Напоминаю, что с сегодняшнего дня мы переходим на оптимизированный режим производства. Самые шумные и грязные этапы — прокатка валов, замес краски и работа самого пресса — мы проводим строго с рассвета и до полудня. После полудня мы занимаемся только набором, сушкой и подготовкой материалов.

Ганс протер заспанные глаза и посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Грета, ты опять демонов накликаешь? — пробасил он. — Полдень? Но солнце еще высоко! Мы должны молотить, пока есть свет!

— Солнце высоко, Ганс, потому что оно на небе, а не потому, что оно требует от нас нарушать циркадные ритмы, — терпеливо объяснила я, используя термин, который он, конечно же, не понял, но звучал он убедительно. — Если вы будете работать на износ, ваша когнитивная продуктивность упадет к трем часам дня. Вы начнете путать буквы, ронять формы, а герр Гутенберг будет хвататься за сердце. Мы внедряем принцип «утреннего спринта». Поехали!

К моему удивлению, они подчинились. Возможно, дело было в том, что вчера я набрала текст быстрее них, или в том, что на моем лбу все еще красовался шикарный синяк от деревянной буквы «А». Но факт оставался фактом: к десяти утра мы уже выдали первую партию оттисков, а станок работал безупречно.

Я стояла рядом с прессом, наблюдая за ритмичными движениями Ганса, и чувствовала себя настоящим линейным менеджером. Конечно, условий труда тут не было даже близко к тем, к которым я привыкла в «ПринтМастере». Никаких эргономичных кресел, кулера с водой и печенья в зоне отдыха. Но мы работали над тем, что было.

И вот, когда солнце поднялось высоко, а тени от стеллажей с бумагой начали стремительно укорачиваться, я снова взялась за таз.

ДЗЫНЬ-ДЗЫН-ДЗЫНЬ!

— Стоп машина! — скомандовала я. — Обеденный перерыв. Всем мыть руки, садиться за стол. У нас ровно шестьдесят минут.

Гутенберг, который в этот момент яростно что-то вычислял на куске пергамента, медленно поднял голову. Его левый глаз, который за утро дергался всего пару раз, теперь начал совершать угрожающие вращения.

— Обед... перерыв? — переспросил он, словно я предложила ему разобрать станок на запчасти и продать на металлолом. — Грета, о чем ты говоришь? У нас горит заказ на индульгенции! Епископ ждет! Мы не можем просто так взять и остановиться!

— Мы не просто так, герр Иоганн, мы по расписанию, — невозмутимо ответила я, вытирая руки о передник. — Шестьдесят минут. Ровно час. Затем мы вернемся к работе с удвоенной силой.

— Удвоенной силой?! — Гутенберг вскочил со своего стула, распутивая гусиные перья. — Мы не едим, Грета! Мы творим историю! Мы несем свет знания в темные века! Разве апостолы останавливались на обед, когда несли слово Божье?! Разве сам Господь требовал часового перерыва на шестой день творения?!

— Господь отдыхал на седьмой день, Иоганн, — парировала я, скрестив руки на груди. — А апостолы, насколько мне известно, питались рыбой и хлебом, и у них не было проблем с ЖКТ, потому что они не заедали стресс черствым хлебом, запивая его кислым вином. Вы творите историю, да. Но история, герр Иоганн, пишется людьми. А люди, в отличие от Вашего станка, не работают на бензине и не смазываются олифой.

Гутенберг открыл рот, чтобы возразить, но я не дала ему шанса.

— Ганс, Клаус, Петер! — я хлопнула в ладоши. — Марш к умывальнику. Агнес уже накрыла на стол в большой комнате. Герр Иоганн, — я повернулась к изобретателю и взяла его за рукав, игнорируя его слабые попытки сопротивления, — Вы тоже. Ваш уровень глюкозы в крови, судя по Вашему цвету лица, упал до критических значений.

— Я не пойду! — уперся он, пытаясь высвободить руку. — Я должен проверить влажность бумаги! Я должен...

— Бумага никуда не убежит, — твердо сказала я, глядя ему прямо в глаза. — А вот Вы, если не поедите, рискуете упасть в обморок прямо на наборную кассу. И тогда историю будете творить не Вы, а крысы, которым Вы угрожали меня скормить. Идемте.

К моему великому облегчению, авторитет «старшего наборщика», подкрепленный легкой угрозой и знанием непонятных, но страшных слов, сработал. Гутенберг фыркнул, поправил камзол и, бормоча что-то про «наглость служанок», последовал за мной.

В большой комнате, которая обычно служила для совещаний с заказчиками (и которая сейчас была завалена образцами шрифтов), Агнес уже расставила деревянные миски. Когда я вчера вечером пришла к ней на кухню с медной монетой (моим первым авансом от Гутенберга) и просьбой сварить «нормальную, сытную еду, а не корм для голубей», она посмотрела на меня как на сумасшедшую, но монету взяла.

На столе дымилась огромная кастрюля. Агнес сняла крышку, и по комнате распространился густой, невероятно аппетитный аромат. Это был не просто суп. Это был густой, наваристый бульон с кусками говядины, капустой, репой, луком и травами. Рядом лежали буханки свежего, темного хлеба, еще горячие, и кувшин с разбавленным водой вином.

Ганс и Клаус смотрели на еду так, словно перед ними лежали сокровища тамплиеров. Петер уже тянулся к хлебу, но я легонько шлепнула его по руке.

— Сначала садимся. Потом берем ложки. Потом едим. Корпоративная этика, Петер, — назидательно сказала я.

Мы расселись за длинным дубовым столом. Гутенберг смотрел на свою миску с подозрением, словно ожидая, что суп начнет читать на латыни.

— Что это? — спросил он, тыкая ложкой в кусок мяса.

— Это белок и сложные углеводы, герр Иоганн, — вздохнула я, накладывая себе полную миску. — В народе это называется «суп». Ешьте, пока горячее.

Гутенберг осторожно попробовал бульон. Его глаза расширились. Он сделал еще одну ложку, потом третью, а потом просто перестал разговаривать и начал есть с такой скоростью, что Ганс, сидящий напротив, посмотрел на него с уважением.

Я же не спешила. Я ела медленно, наблюдая за своим «боссом». И чем больше я смотрела, тем больше убеждалась в правильности своих диагнозов.

— Итак, — сказала я, отпивая вина (оно оказалось на удивление неплохим, терпким и кисловатым). — Давайте проведем небольшой аудит вашего здоровья, раз уж мы собрались за одним столом. Герр Иоганн, откройте рот.

Гутенберг поперхнулся, закашлялся и поднял на меня полные ужаса глаза.

— Что?! Зачем?

— Откройте рот, я проверяю десны.

Он, видимо, решил, что спорить со мной сейчас бесполезно, и послушно открыл рот. Я наклонилась, внимательно осмотрела его ротовую полость. Картина была печальной. Десны были рыхлыми, бледными и слегка кровоточащими.

— Я так и думала, — констатировала я, откидываясь на спинку стула. — У вас цинга.

— Цинга? — переспросил Клаус, набив рот хлебом. — Это которая от ведьм?

— Нет, Клаус, это не от ведьм, это от отсутствия витамина С, — объяснила я, поворачиваясь к Гутенбергу. — Вы едите один черный хлеб, сыр и пьете кислое вино. Вы вообще едите свежие овощи? Фрукты? Зелень?

— У меня нет времени на жевание травы! — огрызнулся Гутенберг, вытирая рот рукавом. — Я работаю!

— Вот именно. Вы работаете, а ваше тело разрушается. У Вас цинга, герр Иоганн. И, судя по тому, как у Вас дергается глаз, еще и хронический невроз на фоне истощения нервной системы. Проще говоря, Вы на грани нервного срыва и физического истощения. Если Вы не начнете есть суп с овощами и не будете спать хотя бы по шесть часов в сутки, Вы не доживете до того момента, как Ваша Библия изменит мир. Вы просто упадете и умрете от инфаркта или кровоточивости десен.

В комнате повисла тишина. Ганс перестал жевать. Клаус побледнел. Петер спрятался под стол.

Гутенберг смотрел на меня. Его левый глаз замер. Впервые за все время я увидела в его взгляде не безумие изобретателя, не раздражение менеджера, а страх. Страх человека, который вдруг осознал, что он смертен, и что его тело — это такой же механизм, как и его пресс, только ломается он гораздо болезненнее.

— Я... я не знал, — тихо сказал он, глядя в свою пустую миску. — Я думал, это просто усталость. Что это... плата за величие.

— Величие не требует жертв в виде ваших зубов, Иоганн, — мягко сказала я. — Вы гений. Вы меняете мир. Но миру Вы нужны живые и здоровые. Поэтому, начиная с сегодняшнего дня, в Вашем рационе каждый день будет капуста, репа, лук и, по возможности, яблоки. Агнес, — я повернулась к поварихе, которая стояла в дверях, скрестив руки на груди, — с тебя особый контроль за рационом герра Иоганна. Если он снова будет питаться только хлебом, я лично выкину все твои поварешки.

Агнес хмыкнула, но в ее глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Слушаюсь, госпожа Грета, — кивнула она. — Буду варить ему кашу с луком, хоть он и ругаться будет.

— Отлично. А теперь, — я посмотрела на солнечные часы на стене, — у нас осталось пятнадцать минут обеденного перерыва. Предлагаю потратить их на неформальное общение. Тимбилдинг.

— Тим... что? — устало спросил Гутенберг, откидываясь на спинку стула. Он выглядел так, словно с него спустили воздух.

— Это значит, что мы сейчас не говорим о работе, — улыбнулась я. — Ганс, расскажи нам, как ты в прошлом году поймал того огромного сома в Рейне. Клаус клялся, что ты его просто украл у рыбаков.

Ганс расплылся в ухмылке, его маленькое лицо засияло.

— О, это была не просто рыба, это был речной дракон! — начал он, активно размахивая ложкой. — Я сидел на берегу, леска была тонкая, как волос девственницы...

Я слушала его байки вполуха, поглядывая на Гутенберга. Он не улыбался, но он и не хмурился. Он просто сидел, слушал Ганса, и его левый глаз больше не дергался. Впервые за долгое время он просто ел суп и отдыхал.

Когда обед закончился, и мы вернулись в цех, я заметила разницу. Рабочие двигались не как загнанные каторжники, а как люди, у которых есть силы. Ганс даже напевал что-то себе под нос, настраивая валы.

— Ну что, герр Иоганн, — сказала я, вставая к своей кассе. — Готовы творить историю после обеда?

Гутенберг посмотрел на меня. Его взгляд был странным, оценивающим.

— Ты... ты действительно видишь то, чего не видят другие, Грета, — тихо сказал он. — Ты лечишь не только тело. Ты лечишь... дух мастерской.

— Это называется забота о человеческом капитале, — усмехнулась я. — А теперь к работе. У нас еще половина дня.

И знаете что? Мы работали так, как не работали никогда.

Послеобеденная смена прошла как по маслу. Тишина, которую я обещала Джулиану, соблюдалась неукоснительно. Пресс молчал. Мы только набирали текст, аккуратно укладывая свинцовые буквы, и сушили готовые оттиски на стеллажах. В цеху было тихо, слышно было только шуршание бумаги, тихий стук свинца и мое ровное дыхание.

В середине дня я отложила верстатку и потянулась. Спина немного ныла, но это была приятная усталость.

— Я пойду проверю качество тиснения у Джулиана, — сказала я Гутенбергу. — Заберу готовые индульгенции.

Он кивнул, не отрываясь от своих расчетов.

Я вышла из шумного (ныне тихого) цеха и прошла через двор к мастерской переплетчика. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая камни двора в мягкие золотистые тона.

Я тихонько приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

Джулиан сидел за своим столом. В мастерской было тихо. Ни грохота прессы, ни криков Ганса. Только мягкий шорох кожи и тихий скрип шила.

Он работал. Его руки двигались быстро и уверенно, сшивая толстый блок пергамента. Но самое удивительное было не это. Удивительным было его лицо.

Морщина между бровями разгладилась. Его губы были слегка приоткрыты, а в глазах плескалось то самое спокойное, сосредоточенное вдохновение, которое бывает у истинных мастеров своего дела. Он выглядел... умиротворенным.

Я не хотела прерывать его, но мне нужно было забрать книги. Я кашлянула.

Джулиан вздрогнул, обернулся. Увидев меня, он не нахмурился. Наоборот, его лицо слегка прояснилось.

— Ты пришла за оттисками? — тихо спросил он, откладывая шило.

— И за готовыми книгами, — улыбнулась я, входя внутрь. — Как тебе тишина?

Он посмотрел на окно, потом снова на меня.

— Это... приемлемо, — сказал он, но в уголке его губ мелькнула та самая тень улыбки. — Я смог закончить три переплета за день. Обычно на это уходит два дня. Твои... методы управления шумом оказались эффективны.

— Я же говорила, — я подошла к столу и посмотрела на готовые книги. Они были великолепны. Грубая кожа, идеальная строчка, тиснение, которое легло ровно и глубоко. — Джулиан, ты настоящий художник. Это красиво.

Он слегка покраснел. Да, этот суровый, хмурый переплетчик покраснел от моего комплимента. Это было так мило, что мне захотелось его ущипнуть. Но я сдержалась.

— Это просто ремесло, — буркнул он, отводя взгляд и начиная аккуратно складывать книги в стопку. — Но... спасибо.

Он протянул мне стопку тяжелых, пахнущих кожей и клеем книг. Наши пальцы случайно соприкоснулись. Его кожа была теплой, шершавой от работы. Мои пальцы были холодными

и пахли свинцом. Этот контраст, это короткое прикосновение послало по моей руке легкую, но отчетливую искру.

Джулиан резко убрал руку, словно обжегшись. Он снова нахмурился, но на этот раз это было не раздражение, а смущение.

— Передай Гутенбергу, что тиснение не осыпается, — быстро сказал он, возвращаясь к своему столу и беря в руки шило. — И... Грета.

— Да?

— Суп, который ты ела в большой комнате... Агнес кричала на всю кухню, что это ты заставила ее варить мясо.

Я моргнула, удивленная. Откуда он знал?

— И? — осторожно спросила я.

Он не поднял глаз, сосредоточенно протыкая шилом кожу.

— И... это хорошая идея. Чтобы рабочие ели мясо. И чтобы ты... тоже ела. Слишком уж ты худая.

Я рассмеялась. Звонко, искренне, так, что эхо отразилось от каменных стен.

— Я не отказываюсь от мяса, Джулиан. И худой быть перестану. Я просто забочусь о команде.

Он поднял на меня взгляд. В его темных глазах больше не было пропасти. Там было что-то теплое, мягкое, что заставляло мое сердце биться чуть быстрее.

— Забота о команде, — повторил он тихо. — Странная ты, Грета. Очень странная. Но... не раздражающая.

— Это лучшее признание, которое я слышала за сегодня, — улыбнулась я, прижимая к груди стопку книг. — Хорошего вечера, Джулиан.

— И тебе, — кивнул он, возвращаясь к работе.

Я вышла из мастерской, и теплый вечерний воздух ударил мне в лицо. Я стояла во дворе, прижимая к себе книги, и чувствовала себя так, словно выиграла в лотерею.

Во-первых, я внедрила обеденный перерыв и спасла Гутенберга от цинги. Во-вторых, мы выполнили дневной план без единого брака. А в-третьих... кажется, ледяное сердце местного интроверта начало таять.

Я направилась обратно в цех, предвкушая, как Гутенберг будет считать прибыль. Но я еще не знала, что завтра в наши двери постучит не просто заказчик, а сама История. И этот стук перевернет не только наш бизнес, но и мои планы на тихую, размеренную жизнь в XV веке.

Глава 5

Мирная жизнь в мастерской продлилась ровно до следующего утра.

Я как раз проводила утреннюю летучку, объясняя Клаусу разницу между строчной и прописной буквой (он упорно путал их местами, из-за чего имена святых начинались с маленьких букв, а слово «грех» — с больших. Иронично, но плохо сказывалось на качестве), когда во дворе послышался цокот копыт и скрип тяжелых колес.

Звук, который в любом веке означал одно: пришел крупный заказчик. И, скорее всего, он хочет скидку, оплату по факту и чтобы «вчера уже было готово».

Я выглянула в окно. Во двор въезжала карета, запряженная четверкой вороных. Богато украшенная, с гербами, которые кричали о том, что у владельца прямая связь с небесами и очень большие деньги в земных сундуках.

— Все, работаем, — сказала я, хлопая в ладоши. — Ганс, убери руки с живота. Петер, спрячь яблоко. Клаус, перекрестись и делай умное лицо. Герр Иоганн, выходите встречать. И, ради всего святого, вытрите сажу со лба, Вы похожи на трубочиста, а не на великого изобретателя.

Гутенберг, до этого яростно споривший сам с собой о ширине полей, вздрогнул, схватил со стола тряпку и начал тереть лицо, размазывая черные пятна еще сильнее.

— Я не могу выйти к нему в таком виде! — зашептал он в панике. — Это отец Игнатий, посланник архиепископа! Он привезет заказ на индульгенции для крестового похода! Это деньги, Грета! Огромные деньги! Но он также известен тем, что сжигает людей за ересь, если им не понравится шрифт!

— Отлично, — кивнула я, поправляя свой грязный передник. — Значит, у нас классический B2B-сегмент. Клиент с высоким чеком, жесткими требованиями к SLA и склонностью к репрессиям при срыве дедлайнов. Идемте, я проведу презентацию.

— Презентацию? — Гутенберг посмотрел на меня так, словно я предложила ему станцевать на столе. — Ты будешь говорить с ним? Ты? Служанка?

— Старший наборщик и консультант по производству, — поправила я его, беря инициативу в свои руки. — Вы, герр Иоганн, будете изображать гениального, но слегка безумного творца, который мало понимает в мирской суете. А я буду вашим «менеджером по работе с ключевыми клиентами». Доверяйте мне.

Мы вышли во двор. Дверцы кареты распахнулись, и из нее вывалился отец Игнатий. Тучный мужчина лет пятидесяти в безупречно чистой, дорогой рясе. От него разило ладаном, дорогим вином и абсолютной властью. Маленькие глазки мгновенно оценили обстановку, поморщились от запаха олифы и остановились на Гутенберге.

— Герр Гутенберг, — произнес он голосом, созданным для чтения проклятий. — Я слышал, Вы наконец-то закончили свою... машину. И готовы выполнить волю Церкви.

— Ваше преподобие, — Гутенберг сделал глубокий, театральный поклон, идеально сыграв безумного гения. — Машина готова. Она дышит, она живет, она ждет, чтобы извергнуть свет знания на страницы мира!

Отец Игнатий брезгливо поморщился.

— Нам не нужен свет знания, герр Гутенберг. Нам нужны индульгенции. Отпущение грехов для тех, кто пожертвует деньги на войну с неверными. Двадцать тысяч экземпляров. К концу месяца.

Гутенберг побледнел. Его левый глаз начал дергаться в угрожающем ритме.

— Двадцать... тысяч? К концу месяца? Ваше преподобие, это... это физически невозможно. Мой станок, даже если он будет работать без остановки...

— Я не спрашиваю, возможно ли это, — холодно перебил его священник. — Я спрашиваю, сколько это будет стоить. Церковь щедра, но она не любит, когда ее обманывают. Если Вы не справитесь, мы найдем другого. Или просто закроем Вашу мастерскую за то, что Вы отнимаете хлеб у переписчиков.

Гутенберг открыл рот, чтобы начать бормотать что-то про свинец и бумагу, но я незаметно наступила ему на ногу. Он ойкнул и замолчал.

— Ваше преподобие, — мягко, но уверенно начала я, делая шаг вперед и слегка склоняя голову. — Мой хозяин, герр Гутенберг, безусловно, справится с этим объемом. Его машина — это чудо инженерной мысли, способное печатать со скоростью, о которой переписчики могут только молиться. Однако, Вы должны понимать, что мы берем на себя колоссальные риски. Мы работаем в три смены, мы изнашиваем оборудование, мы рискуем здоровьем мастеров.

Отец Игнатий приподнял густую бровь, оценивающе глядя на меня.

— А ты кто такая, девка?

— Грета, помощница герра Гутенберга, — ответила я, не моргнув глазом. — И я хочу предложить Вам эксклюзивное партнерство. Мы не просто напечатаем вам двадцать тысяч индульгенций. Мы сделаем их так, что каждая будет выглядеть как произведение искусства. Но, учитывая срочность и объем, мы вынуждены заложить в стоимость коэффициент овертайма.

— Коэффициент чего? — прищурился священник.

— Это такая... церковная пошлина за срочность, — на ходу придумала я, используя свой лучший корпоративный голос. — Мы предлагаем вам пакет «Премиум». Гладкая бумага, стойкая черная краска, которая не смажется в кармане грешника, и идеальная рубка. Но цена за тысячу экземпляров будет на тридцать процентов выше обычной. Зато Вы получаете гарантию качества и соблюдение сроков. Если мы опоздаем хотя бы на день — мы вернем Вам задаток.

Гутенберг рядом со мной тихо застонал, но я пнула его еще раз.

Отец Игнатий задумался. Его пальцы, украшенные массивным золотым перстнем, барабанили по рукояти трости. Он был бизнесменом, просто его бизнесом была продажа мест в раю. А любой бизнесмен понимает язык гарантий и эксклюзивности.

— Тридцать процентов, — протянул он. — Много. Но... мне нравится твоя уверенность, девочка. Хорошо. Я дам вам задаток. Половину — сейчас, половину — после сдачи тиража. Но если вы подведете Церковь... — он многозначительно провел пальцем по горлу. — ...то ваши души будут гореть в аду дольше, чем кто бы то ни было.

— Мы принимаем Ваши условия, — улыбнулась я, протягивая ему руку.

Священник удивленно посмотрел на мою протянутую руку, но все же пожал ее своей мягкой, ухоженной ладонью.

— Договорились. Жду первый пробный оттиск завтра к вечеру.

Он развернулся и тяжело убрался обратно в карету. Дверцы захлопнулись, кони рванули с места, и через минуту во дворе осталась только клубящаяся пыль.

Гутенберг стоял молча. Потом его колени подогнулись, и он тяжело опустился на ближайшую бочку с бумагой.

— Мы мертвы, — прошептал он, глядя в одну точку. — Мы мертвы, Грета. Двадцать тысяч. За месяц. Станок не выдержит. Бумаги не хватит. Краска кончится. Мы не успеем. Фуст заберет мастерскую, а Инквизиция сожжет нас на площади.

— Иоганн, прекратите паниковать, — сказала я, хотя внутри у меня тоже все похолодело. Двадцать тысяч — это был не просто заказ. Это был промышленный масштаб. — Мы справимся. Мы оптимизируем процессы. Ганс!

— Да, госпожа Грета! — гигант подскочил, услышав мой командный тон.

— Начинаем подготовку. Клаус, проверяй кассы, чтобы все литеры были на местах. Петер, неси воду, будем мочить бумагу партиями. Иоганн, — я подошла к Гутенбергу и поло-

жила руку ему на плечо, — Вы идете в кабинет, пьете валерьянку, если она у Вас есть, или просто закрываете глаза на десять минут. А я запускаю станок.

Гутенберг послушно кивнул и побрел в дом, выглядя как человек, идущий на эшафот.

Я осталась в цеху. Мы начали работу. Первые два часа все шло по плану. Я стояла у станка, направляя процесс, следя за тем, чтобы Ганс равномерно наносил краску, а Петер вовремя подавал бумагу. Ритм был бешеный. Подать, намазать, пресс, снять, повесить сушиться. Подать, намазать, пресс...

Но человеческий ресурс и механика не безграничны.

На шестом часу непрерывной работы, когда мы уже выбились из графика и пытались догнать упущенное время, Ганс, уставший и потный, слишком сильно дернул рычаг прессы.

Раздался звук, который я не забуду. Не просто треск. Хруст, похожий на то, как ломается позвоночник у великана.

КРАК!

Что-то внутри станка с грохотом обрушилось вниз. Плита, которая должна была давить на бумагу, перекосилась и с чудовищной силой ударилась о наборную форму. Свинец разлетелся вдребезги. Буквы, над которыми мы трудились полдня, превратились в бесформенную грудку металла. А из верхней части деревянной рамы с треском вылетел массивный дубовый клин, державший направляющую ось.

Станок замер, издав последний хриплый скрип.

В мастерской повисла тишина. Только где-то в углу тихо капала вода из протекающего ведра.

Ганс стоял с опущенным рычагом, его лицо было блее мела. Клаус уронил кассу. Петер тихо заплакал.

— Мы... мы сломали его, — прошептал Ганс, его голос дрожал. — Главный брус... ось сместилась... Мы убили машину.

Дверь из кабинета распахнулась. Выбежал Гутенберг. Он увидел перекосившуюся плиту, рассыпанный свинец и вылетевший клин. Его левый глаз остановился. Он не дергался. Он просто замер, глядя на разрушение своего детища.

— Все кончено, — тихо сказал он, и в его голосе было столько отчаяния, что мне стало физически больно. — Это конец. Фуст прав. Я неудачник. Идите по домам. Завтра я продам железо на лом.

— Никто никуда не идет! — мой голос прозвучал как выстрел. Я не собиралась сдаваться. Я прошла через пять лет в типографии, через авралы и поломки офсета в три часа ночи не для того, чтобы сдать из-за какого-то треснувшего дерева. — Ганс, принеси мне молот, зубило, клинья и любые железные полосы, которые найдешь в кузнице за углом. Быстро!

— Но... но госпожа Грета, это невозможно... — начал Ганс.

— Я сказала, быстро! — рявкнула я. — У нас есть сорок минут до заката, и я не собираюсь терять день из-за кривого бруска!

Ганс, испуганный моим тоном больше, чем гневом Божьим, рванул из мастерской так быстро, как только позволяли его массивные ноги.

Я подошла к станку и начала осмотр. Внутренний инженер-механик включился на полную. Да, главный направляющий брус треснул. Ось сместилась. Плита перекошена. Но сама рама цела. Винт цел. Это не смертельно. Это лечится.

— Клаус, Петер, помогите мне поднять плиту! — скомандовала я. — Используем деревянные брусья как рычаги. Раз, два, взяли!

Мы втроем, кряхтя и потя, поддели тяжеленную дубовую плиту брусьями. Тонкие руки Греты горели, мышцы ныли, но адреналин глушил любую боль.

Вернулся Ганс, таща охапку железа и инструментов.

— Отлично. Ганс, бери зубило и молот. Будем вырубать поврежденную часть бруса. Клаус, носи клей и смолу. Петер, раздувай горн, мне нужно, чтобы железо было красным.

Следующие два часа прошли как в аду. Я работала на автомате. Объясняла Гансу, как правильно подбить трещину железными скобами, чтобы она не пошла дальше. Сама, обмотав руки тряпками, забивала раскаленные металлические полосы в пазы, шипящие от контакта с деревом. Использовала смолу, смешанную с опилками, как эпоксидный клей, заполняя пустоты.

Мои волосы растрепались, лицо было в саже и поту, руки покрыты мелкими царапинами и синяками. Я ругалась матом, которого не знал ни один средневековый извозчик, когда молот соскальзывал, и командовала мужиками так, что они слушались беспрекословно.

— Еще пол оборота винта! Так! Теперь фиксируем скобу! Ганс, бей сильнее, не жалей дерева, нам нужна жесткость!

Когда последние лучи солнца уже уходили за крыши Майнца, я сделала последний, решающий удар молотом по железному клину.

ДЗЫНЬ.

Звук был чистым, металлическим.

Я отступила на шаг, вытирая лоб тыльной стороной грязной руки, и тяжело дышала.

— Так, — выдохнула я. — Ганс, тяни рычаг. Медленно.

Гигант, глядя на меня с благоговением, взялся за рычаг. Он потянул. Винт закрутился. Плита пошла вниз. Ровно. Без перекаса. Без скрипа. Она встала на место, идеально параллельно наборной форме.

— Работает, — выдохнул Клаус, падая на колени. — Она работает! Ты починила ее, Грета! Ты... ты колдунья!

— Я не колдунья, Клаус, — усмехнулась я, бросая молот на стол. — Я просто знаю, что такое ремонтно-пригодность конструкции и как работает распределение нагрузки. А теперь, Петер, носи новые литеры. Нам нужно заново набрать форму. У нас горят сроки.

Гутенберг стоял в дверях. Он не говорил ни слова. Он просто смотрел на меня, на станок, на мои грязные, покрытые сажой и смолой руки. Его левый глаз дернулся один раз, а потом он медленно, очень медленно улыбнулся.

— Ты... ты невероятная, Грета, — тихо сказал он. — Я думал, ты просто болтливая служанка. Но ты... ты будто бы часть этой машины, ее душа.

— Не льстите мне, Иоганн, — отмахнулась я, чувствуя, как к щекам подступает румянец, который плохо контрастировал с слоем сажи на лице. — Я просто не люблю, когда техника простаивает. Это неэффективно. А теперь давайте работать.

Мы проработали до глубокой ночи. Я набирала текст, Ганс красил, Петер прессовал. К полуночи мы выдали первые пятьдесят идеальных оттисков.

Когда я, наконец, вышла из цеха, чтобы умыться во дворе, мои ноги гудели, а спина отваливалась. Я подошла к каменному корыту с водой, зачерпнула ковш и начала жадно умываться, смывая сажу, смолу и пот.

— Ты пугаешь людей, Грета.

Я вздрогнула и обернулась. Из тени навеса вышел Джулиан. Он был в своем неизменном кожаном фартуке, но без рубахи, только в льняных штанах. Его темные волосы были растрепаны, а в руках он держал чистое, белое, идеально выглаженное полотенце.

— Джулиан, — выдохнула я, отряхиваясь, как мокрая собака. — Ты меня напугал. Что ты тут делаешь? В это время переплетчики уже спят.

— Я слышал грохот, — он подошел ближе, его темные глаза внимательно осматривали мое лицо, на котором, наверное, красовались разводы от грязи. — Думал, Ганс снова бросает в тебя мебель. Но потом я услышал, как ты командуешь. Ты говорила так, словно была генералом, ведущим армию в ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.